

Тая Геката

Пепельный рубеж

18+

Тая Геката

Пепельный рубеж

<https://litres.ru/74240004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Триста лет назад Великий Раскол разорвал реальность, и из разломов хлынули Порождения. Древние роды, что веками защищали Элдрен, пали. Но кровь не забывает.

Элире снятся пожары. Из ладоней иногда вырывается пламя, которое она не умеет контролировать. Рядом с ней — Тейрин, наследный лорд с даром видеть будущее. Он обещает безопасность. Он обещает дом.

Но когда на границе Пустошей открывается новый разлом, они отправляются на поиски Кая — последнего из рода Морвейнов, охотника-отшельника, который встречает гостей ножом. Их встреча пробуждает древнюю магию: кровь узнаёт кровь. И то, что начинается как вынужденный союз, превращается в нечто, чему нет названия.

Теперь Элире предстоит решить, что важнее: безопасность, которую она знает, или пламя, которое она не в силах погасить.

«Пепельный рубеж» — тёмное романтическое фэнтези о магии, живущей в крови, и о любви, что приходит как самое опасное приключение.

Тая Геката

Пепельный рубеж

ПЕПЕЛЬНЫЙ РУБЕЖ

Книга первая: Охотник и пламя

Пролог.

День, когда мир треснул

Триста лет назад. Цитадель Эрранов

Пламя ревело, пожирая камень.

Своды древней цитадели дрожали, и вековая пыль сыпалась с потолка серебристым дождём. Аэлин Эрран, глава Дома Огня, стояла в центре зала и смотрела на алтарь. Пламя не обжигало её — оно было частью её крови, её дара. Но сейчас огонь, струившийся с её ладоней, был не золотым, а белым, режущим глаза. Нечто шло не так.

Рядом стоял её муж, Дарион Морвейн. Высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, спускавшимися на плечи, и серыми глазами — теми самыми, что позже унаследует их далёкий потомок. Воздух вокруг него охлаждал — так остывает камень после заката. Он сжимал рукоять «Плача Ночи», и клинок горел тьмой — чёрное пламя, которое поглощало свет.

— Аэлин, остановись, — сказал он. Голос его был низким и хриплым, но в нём слышалась мольба. — Разлом не закрыть. Он слишком большой.

— Я должна попытаться. — Её голос дрожал от напряжения. — Если мы не закроем его сейчас, он поглотит всё. Всех.

В центре зала, над алтарём, пульсировала трещина в реальности. Из неё сочилась тьма — не просто отсутствие света, а живая, дышащая субстанция. Она извивалась, как змея, и от неё пахло гарью, серой и чем-то сладковатым — так пахнет смерть, когда она приходит не в бою, а медленно, изнутри.

Их любовь была запретной. Эрран и Морвейн — два рода, которые веками враждовали и одновременно дополняли друг друга. Когда Аэлин и Дарион встретились впервые на нейтральной территории, на Совете Великих Домов, их потянуло друг к другу с силой, которую они не могли объяснить. Месяцы тайных встреч. Письма, переданные через верных слуг. И однажды ночью — побег. Они обвенчались в маленьком храме на границе Пустошей, где их не могли найти ни шпионы Эрранов, ни соглядатаи Морвейнов. Их любовь была вызовом. Их союз — предвестием катастрофы.

Но теперь, стоя перед разломом, они были не просто мужем и женой. Они были последней надеждой мира.

Аэлин вложила в алтарь всю свою силу. Огонь хлынул из неё — золотой, очищающий, тот самый, что передавался в её роду из поколения в поколение. Дарион добавил свою магию — магию Кости, которая сдерживала тьму, не давая ей вырваться наружу.

На мгновение показалось, что получается. Трещина начала сужаться. Аэлин уже видела, как края разлома сходятся, как тьма внутри него бьётся в агонии. Она улыбнулась — впервые за долгие часы.

А потом алтарь взорвался.

Взрывная волна отшвырнула Дариона к стене. «Плач Ночи» выпал из его рук и зазвенел о каменный пол. Аэлин осталась стоять у алтаря — но теперь её тело было объято не золотым, а белым пламенем. Тем самым, которое она не могла контролировать.

— Аэлин!

— Прости, — прошептала она. — Я не справилась.

Она посмотрела на него в последний раз. Её глаза, голубые, как море, были полны слёз. А потом она исчезла. Просто исчезла — как будто её никогда не было. Только горстка пепла на каменном полу.

Дарион закричал. Это был крик не боли — крик человека, потерявшего всё. Он подполз к тому месту, где она стояла, и сгрёб пепел в ладони. Пепел был ещё тёплым и пах брусникой и мускусом — её запахом. Запахом, который он полюбил с первой встречи.

Из разлома хлынула тьма. Она расползалась по залу, по цитадели, по земле. И вместе с ней пришли они. Первые Порождения. Твари, рождённые из осколков реальности, искажённые, голодные.

Дарион поднял «Плач Ночи». Клинок всё ещё горел чёрным пламенем. Он встал и пошёл навстречу тьме. Не потому что надеялся победить. Потому что больше ему нечего было терять.

Он выжил. Никто не знал, как. Он выбрался из руин цитадели, неся с собой пепел жены и меч. Его одежда была изо-

рвана, лицо покрыто кровью, но он шёл. Шёл три дня через Пустоши, пока не добрался до границы Светлых Земель.

Там, на рубеже, его встретили немногие уцелевшие — остатки трёх Великих Домов. Они смотрели на него, и в их глазах был ужас. Не перед ним — перед тем, что он видел. Перед тем, что он принёс.

Он записал в хрониках Морвейнов:

«Мир треснул. Тьма вырвалась. Но кровь вернётся. Огонь и Кость сойдутся вновь. И тогда Раскол закроется».

Последние три слова он вывел дрожащей рукой. Он не знал, сбудутся ли они. Но он верил. Потому что больше верить было не во что.

Глава 1. До встречи

Элире было семь, когда она впервые подожгла дом.

Это случилось ночью. Ей приснился пожар — белое пламя, холодное, как дыхание зимы, поднималось от земли к небу, и в нём горели фигуры людей. Она не знала этих лю-

дей, но чувствовала: они — её. Кровь. Семья. Они кричали беззвучно, и она кричала вместе с ними.

Проснулась от запаха дыма. Занавеска у кровати пылала, и пламя было не белым — золотым. Настоящим. Оно перекинулось на стул, на стол, на половицы. Хозяйка приюта — сухая старуха с вечно поджатыми губами — вбежала с ведром воды, залила огонь, а потом долго смотрела на Элиру так, как смотрят на прокажённую.

— Ведьма, — сказала она. — Убирайся.

Утром Элира собрала узелок. Ей некуда было идти.

Она не помнила родителей. Не помнила, откуда взялась в этом приюте на окраине Альвена. Воспитатели говорили, что её подбросили младенцем — замотанную в обгоревший плащ, пахнущую гарью. «Твои родители сгорели в пожаре», — сказала однажды кухарка, и маленькая Элира поверила. Пожары были часты в Альвене: старые деревянные дома вспыхивали, как спички. Но теперь, стоя на пороге приюта с узелком в руках, она вдруг подумала: а что, если тот пожар тоже устроила она?

Она шла по улицам Альвена, не зная куда. Город был большим — каменные башни, лавки, храм Ордена Чистого

Света, перед которым проповедник кричал о вреде магии. «Огонь очищает, — надрывался он, — но только если он свят! А ведьмин огонь — от Тьмы!» Элира ускорила шаг. Она не знала, ведьма она или нет. Но она боялась.

К вечеру она оказалась у ворот богатого особняка. Села на мостовую, развязала узелок. В нём были: краюха хлеба, смена белья, деревянная кукла с обгоревшим боком (единственная вещь, оставшаяся от младенчества) и странный медальон — серебряный диск с выгравированным пламенем. Она не знала, откуда он. Просто был с ней всегда.

Ворота открылись. Вышел мальчик. Светловолосый, с голубыми глазами, в дорогом камзоле. Он был на пару лет старше неё и держался так прямо, будто весь мир должен был ему подчиняться. Но взгляд у него был не властный — любопытный.

— Ты кто? — спросил он.

— Элира.

— А фамилия?

— У меня нет.

Он нахмурился. Потом оглянулся на особняк, словно боялся, что кто-то выйдет, и присел рядом.

— Ты голодная?

— Немного.

Он достал из кармана пирожок — с мясом, ещё тёплый. Протянул ей. Она съела в три укуса.

— Я Тейрин, — сказал он. — Будущий лорд этого дома. Мой отец — советник короля.

— А моя мать, кажется, была ведьмой.

Он не отшатнулся. Только посмотрел на неё серьёзно и сказал:

— Моя бабка тоже была ведьмой. Только у нас это называется «дар». Отец говорит, это проклятие. А дед говорил — благословение. Кому верить — не знаю.

Они сидели на мостовой, пока не стемнело. Элира рассказала про пожар, про приют, про то, что ей некуда идти. Тейрин слушал, и его голубые глаза становились всё мрачнее.

— Оставайся у нас, — сказал он наконец.

— Твой отец не позволит.

— Я уговорю.

И уговорил. Как — она не знала до сих пор. Может быть, сказал, что она — дальняя родственница. Может быть, просто поставил отца перед фактом. Тейрин умел добиваться своего — мягко, но непреклонно.

Так Элира стала жить в доме Хранителей.

Десять лет она провела в этом доме. Её не удочерили официально — она была воспитанницей, не более, — но Тейрин и его отец обращались с ней как с семьёй. Она училась в библиотеке особняка: старые хроники, история Великих Домов, описания Раскола. Тейрин учился рядом с ней, хотя его больше интересовали карты и руны. Они росли вместе. Играли в саду, спорили о прочитанном, мечтали о путешествиях.

Когда умер его отец — тихо, во сне, без причины, — Тейрин замкнулся. Он стал главой рода в семнадцать лет, и это сломало в нём что-то, чего он не показывал никому. Только

ей.

Однажды ночью, через полгода после похорон, он пришёл в библиотеку, где она засиделась допоздна. Сел рядом. Долго молчал.

— Я кое-что видел, — сказал он наконец.

— Видение?

— Да. Обрывок. Я видел тебя. Взрослую. Ты стояла перед чем-то огромным. И горела. — Он поднял на неё глаза. — Я не хочу, чтобы это случилось.

— Может, это не будущее. Может, просто кошмар.

— У Хранителей не бывает просто кошмаров. — Он взял её за руку. — Я обещаю тебя защитить. Что бы ни случилось.

— Я тоже тебя защищу.

Он улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. И в этот момент что-то между ними изменилось. Детская дружба стала чем-то другим. Чем-то, что они оба боялись назвать, но что чувствовали.

Тейрин медлил. Она видела, как он смотрит на неё — иначе, чем раньше. Как задерживает взгляд на её губах. Как его пальцы чуть сильнее сжимают её ладонь.

— Тей? — позвала она тихо. Так она звала его только в самые важные моменты. Когда ему было больно. Когда он нуждался в ней.

Он наклонился.

Это был первый поцелуй для них обоих. Неумелый, осторожный. Его губы были сухими и тёплыми, и от них пахло яблочным пирогом, который они ели за ужином. Элира замерла, не зная, что делать, но потом подалась вперёд — просто чтобы быть ближе. Чтобы ответить. Чтобы сказать без слов то, что они оба носили в себе несколько лет.

Когда они отстранились, в библиотеке было тихо. Только свеча потрескивала на столе.

— Я люблю тебя, — сказал Тейрин. — Я знаю, что ты, может быть, не...

— Люблю, — перебила она. — Тоже.

Он выдохнул — как будто держал воздух в лёгких

несколько лет.

— Тогда всё будет хорошо. Я обещаю. Мы поженимся. Ты станешь леди этого дома. И никто никогда тебя не обидит.

— Леди? Я? Я даже не знаю своей фамилии.

— Мне плевать. Ты — Элира. Этого достаточно.

Она рассмеялась — тихо, счастливо. И снова его поцеловала.

В тот год им было по семнадцать.

Дар Элиры спал ещё десять лет. После пожара в приюте — ничего. Иногда она чувствовала тепло в груди, когда злилась или боялась, но оно не вырывалось наружу. Ей казалось, что тот случай был единичным, что магия ушла.

Она ошибалась.

Это случилось за неделю до того, как они отправились в Пустоши. Тейрин получил известие от эльфийского следопыта по имени Лорна: на западе, в старой цитадели Эрранов,

открывается новый разлом. Порождения уже начали собираться. Нужно действовать.

— Я знаю, кто ты, — сказал он ей в тот вечер. — Я знал с самого начала. Ты — последняя из Эрранов. Твой род погиб там, в цитадели, триста лет назад. Тебя спасла служанка — вынесла младенцем из огня и оставила в Альвене. Твой медальон, — он кивнул на её грудь, — это герб Эрранов.

Элира смотрела на него и не могла поверить.

— Почему ты не сказал раньше?

— Я боялся. Что ты уйдёшь. Что тебя найдут. Что Орден узнает. — Он потёр висок. — Но теперь я не могу молчать. Разлом в цитадели. Только Эрран может закрыть его. Но одной тебе не справиться. Нужен Морвейн. Последний из Морвейнов живёт на границе Пустошей. Охотник. Его зовут Кайлус. Кай — для своих.

— И ты хочешь, чтобы мы пошли к нему?

— Да. Вместе. Ты, я и он. Только так мы закроем разлом.

Элира долго молчала. Она смотрела на свой медальон, на выгравированное пламя, которое всегда считала просто

украшением. Теперь оно обрело смысл.

— Я пойду, — сказала она наконец. — Но не ради разлома. Ради ответов. Я хочу знать, кто я. Кем были мои родители. Почему я выжила.

— Я буду рядом, — сказал Тейрин.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он поцеловал её — уже не так неумело, как в первый раз. За десять лет их поцелуи стали глубже, увереннее. В них было тепло и обещание. В них была любовь.

Элира закрыла глаза и позволила себе просто быть с ним.

Она ещё не знала, что через неделю войдёт в старый форт на границе Пустошей и встретит человека, который изменит всё.

Глава 2. Встреча на рубеже

Элира впервые увидела его в сумерках, и он чуть не убил её прежде, чем она успела произнести своё имя.

Три дня пути через Пустоши вымотали её до предела. Воздух здесь был сухим, горьким, пах гарью. Элира куталась в плащ и думала, что Тейрин знает больше, чем говорит. Он всегда знал больше. Но она привыкла доверять ему. Он был её единственным другом, её защитником. Тем, кого она любила.

Когда Тейрин находился рядом, становилось легче. От него веяло теплом — так пахнет нагретая солнцем трава в июне. Этот запах она про себя называла «солнечным». Он был ей родным.

Тейрин ехал на белом жеребце по имени Альбус — породистом, с серебряной сбруей, слишком дорогой для путешествия через Пустоши. Альбус нервничал, косил глазом на серый пепел под копытами, но слушался повода. У Элиры была своя лошадь — серая кобыла Зола, спокойная и выносливая. Тейрин подарил её Элире в день её совершеннолетия, и с тех пор они не расставались.

— Он здесь, — сказал Тейрин, осаживая Альбуса. — Последний из Морвейнов.

Они стояли у массивных деревянных ворот старого форта. Стены были сложены из грубого камня, почерневшего от времени и копоты. Над воротами — сторожевая башенка, пустая. Ветер гудел в бойницах.

— Ты уверен, что нам нужен именно он? — спросила Элира.

— Только его кровь может зажечь Сердце Пламени. — Тейрин потёр висок — знакомый жест. Видения мучили его всё сильнее, и с каждым днём он становился всё более замкнутым. — Но я должен тебя предупредить. Я знаю о нём по слухам. Он опасен.

— Насколько?

— Говорят, он один вышел против Пожирателя и победил. Говорят, богат, но живёт отшельником. И ещё говорят, что он ловелас. Что женщины сами к нему идут.

— Меня это не интересует.

— Я знаю. — Тейрин помолчал. — Я пойду первым.

— Нет. Я сама.

— Элира...

— Если он увидит двоих, да ещё и мужчину, который явно меня защищает, он закроется. Или нападёт. А мне нужно, чтобы он выслушал. — Она коснулась его руки. — Я справлюсь. Ты же знаешь: я привыкла всё контролировать.

— Это не библиотека Элдари. Это форт охотника на Порождений.

— И что? Я не беспомощна.

Тейрин хотел возразить, но сдержался. Только кивнул.

— Я подожду снаружи. Десять минут. Если не выйдешь — я войду.

— Договорились.

Элира толкнула ворота и вошла одна.

Двор был больше, чем она ожидала. В центре — сложенный из камней очаг, над ним — закопчённый котёл. Рядом — деревянный стол, грубо сколоченный, но добротный. На

столе лежали дорожные лепёшки, завёрнутые в промасленную ткань, и несколько полосок вяленого мяса. У стены — бочка с водой.

У очага сидел человек.

Он был немолод — за пятьдесят, седой, с лицом, изрезанным шрамами. Левая рука его была изуродована — три глубоких рубца от когтей, какие оставляют Теневые Гончие. Он неторопливо точил нож и, казалось, не заметил вошедшую.

— Добрый вечер, — сказала Элира.

— Вечер. — Он поднял глаза — светло-карие, спокойные.
— Ты к Каю?

— Да.

— Он наверху. — Старик кивнул на лестницу, ведущую на стену. — Только я бы на твоём месте не подходил близко. Он не любит гостей.

— Я не гостя. Я по делу.

— Дело — это хорошо. — Он вернулся к ножу. — Меня зовут Ронан. Если что — кричи.

— Спасибо.

Элира двинулась к лестнице. И в этот момент почувствовала это.

Не запах. Ощущение. Как будто воздух вокруг неё стал холоднее — не мороз, а прохлада старого каменного храма, куда не проникает солнце. И ещё — что-то древнее, как свитки, которые она трогала в библиотеке Элдариин. Её собственное тело отозвалось на это ощущение прежде, чем разум успел что-то понять.

Нож просвистел и вонзился в столб в пальце от её виска.

— Промахнулся, — сказала она. Голос прозвучал ровно, хотя сердце колотилось в горле.

— Я не промахиваюсь.

Он стоял на верху лестницы. Высокий. Широкоплечий. Чёрные волосы, схваченные в хвост, спускались по спине. Серые глаза — глубокие, как грозовое небо перед бурей. Она невольно отметила, что он красив — той особенной, нечеловеческой красотой, какая бывает у древних статуй в заброшенных храмах: высеченных из камня, но кажущихся живыми.

ми. Только этот не казался — он был живым. И опасным.

В одной руке он держал второй нож, в другой — дорожную лепёшку. Откусил. Прожевал. Не сводя с неё глаз.

— Кто ты и что тебе нужно в моём форте? — Голос низкий, с хрипотцой.

— Мне нужен охотник на Порождений, — сказала она.

— Ты ошиблась дверью. Уходи.

— Я не ошиблась. И не уйду.

Он прищурился. Спустился по ступеням — медленно, плавно. Так хищник спускается с дерева, заведя добычу.

— Ты либо очень смелая, либо очень глупая. Я ещё не решил, что именно.

— Я та, кто видела тебя во сне. Ты стоял перед разломом. Горел. И говорил, что я виновата. — Она выдержала его взгляд. — Я пришла узнать — в чём.

Он остановился. Отложил лепёшку. Что-то в его лице изменилось — едва заметно, но она уловила. Воздух вокруг

него стал плотнее.

— Как тебя зовут?

— Элира.

— Просто Элира?

— Просто Элира.

— Лжёшь. — Он принялся, чуть склонив голову набок, по-звериному. — От тебя тянет гарью. И чем-то диким. Так пахли старые поля битв, куда мой отец водил меня ребёнком. Ты горишь. Я чувствую это.

— Я не знаю, кто я. Поэтому я здесь.

Он шагнул ближе.

— А если я не захочу помогать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.